Казаки на Белой Руси

Николай Сергеев

За Русь и казачество!

Введение

После развала Советского Союза в Российской Федерации, а также некоторых других постсоветских государствах начался непростой процесс возрождения казачества. Затронул он и Белоруссию, хотя отношение белорусского общества к этому было далеко неоднозначным, а со стороны значительной части гуманитарной интеллигенции вообще враждебным. Хотя удивляться здесь собственно нечему.

В отличие от коренной России, где до 1919 года имелось одиннадцать таких особых военно-территориальных образований как казачьи войска, и Малороссии (Украины) с ее легендарной Запорожской Сечью на территории Белоруссии таковых, как принято считать, исторически не существовало. Поэтому о потомках непосредственно белорусского казачества говорить затруднительно. Кроме того, весь советский период партийной пропагандой, в том числе и в БССР, целенаправленно формировался крайне отрицательный образ казаков как главной опоры «царизма», представителей «реакционной военщины» и основной движущей силы «контрреволюционного Белого движения».

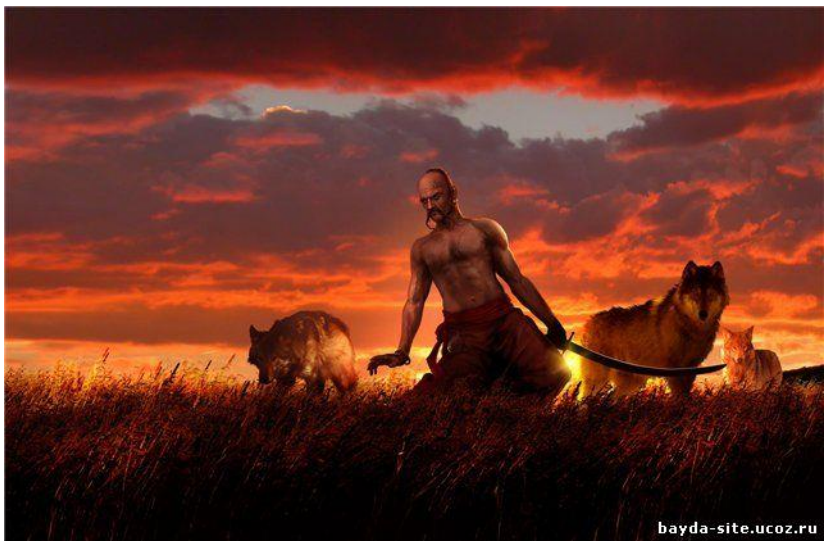
В постсоветское время значительная часть белорусской гуманитарной интеллигенции оказалась под воздействием прошляхетской пропаганды, которая преподносит историю Белоруссии исключительно через призму интересов польско-католических магнатов.

Показательно, что даже мрачные деяния ордена иезуитов на Западной Руси ею оцениваются исключительно как положительные, а сами иезуиты выставляются в качестве носителей просвещения и едва ли не образчиками религиозной терпимости. Ну а так как во времена Речи Посполитой на древних русских землях, находившихся под ее владычеством, единственными вооруженными защитниками западнорусского народа и православной веры от католического магнатско-шляхетского произвола было казачество, то современные почитатели «золотой Речи Посполитой» представляют казацкие отряды, действовавшие на Белой Руси, не иначе как ватагами разбойников.

Казаки в народном сознании

В белорусской народной культуре отношение к казакам сугубо положительное. «Казаки-казаченьки» любимые персонажи белорусских народных песен, а вот панам-шляхте места в них (в отличие, например, от бояр) места не нашлось вообще. Дело в том, что для русского населения Белой Руси казачество было не только народной вооруженной силой. Но и зримым воплощением идеала-мечты об устройстве жизни народа на вечевых началах старой домонгольской Руси.

Былинная вольная Русь



Казаки-характерники – зримое воплощение вольной Руси

В памяти западнорусского народа жили предания о русских богатырях, о своих князьях и боярах, о стольном граде Киеве, и это в то время (XVI-XVII вв.), когда русские крестьяне и горожане подвергались в Речи Посполитой жестоким ущемлениям со стороны польских магнатов и католических панов-шляхты! В 1588 году статут Великого княжества

Литовского устанавливал на западнорусских землях крепостное право, что привело к резкому ухудшению положения большей части их населения.

Вот что писал по этому поводу польский гуманист XVI века Анджей Моджевский:

«Шляхтичи считают крестьян рабами или скотиной. Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, которую дают шляхтичам законы. Шляхтич бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся к ним как к собакам».

Кстати, по какому-то недоразумению распространено мнение, что русские героические сказания и былины бытовали только в Великороссии, а точнее на Русском Севере, а если и были известны на территории современной Белоруссии, то только начиная с конца XVII века после присоединения к России. Однако такой взгляд далек от исторической действительности. Былины или старины были распространены во всех русских землях, в том числе и на Западной Руси, вне зависимости от того, в каком государстве они находились в тот или иной период истории.

Примером чего, в частности, служит написанная в 1574 году «Вестовая записка» военного и государственного деятеля литовско-русского великого княжества и Речи Посполитой, оршанского старосты Филона Кмиты-Чернобыльского каштеляну трокскому Остафию Воловичу (который пригласил князя Андрея Курбского съехать в Литву), в которой автор жалуется на несправедливое к себе отношение со стороны короля и сравнивает себя с богатырями Ильей Муровлянином (Муромцем) и Соловьем Будимировичем, оказавшимися в опале у великого князя Киевского Владимира Красно Солнышко.

Оршанский староста, западнорусский писатель Филон Семенович Кмита-Чернобыльский

К слову сказать, несмотря на то, что Филон Кмита-Чернобыльский в ходе Ливонской войны воевал против Царства Русского, он принадлежал к русской партии и выступал за избрание польским королем великим князем литовским русского царя Федора Ивановича. В судьбе Кмиты-Чернобыльского отразился весь трагизм положения западнорусской знати в польско-литовском государстве. С одной стороны, законы феодальной чести и присяга требовали верного служения своему государю (в данном случае

королю Польскому и великому князю Литовскому и Русскому), с другой – этот самый государь, понуждаемый римскими папами и иезуитами, опутавшими польский королевский двор, несмотря на верную службу своих русских подданных, требовал от них отказа от православной веры, русского языка и вообще от русскости и, в конечном итоге, стать поляками. Все это порождало непримиримые противоречия между Западной Русью и католическими Польшей и Литвой, которые в конечном итоге и привели к бесславному краху Речи Посполитой.

Казаки и западнорусское освободительное движение (конец XIV – начало XVII в.в.)

У истоков народно-освободительной борьбы Западной Руси против польского владычества стоит такая выдающаяся историческая личность, как герой Куликовской битвы князь-воитель Андрей Полоцкий. Он был не только искусным военачальником, но и дальновидным политиком и прекрасно понимал, что уния Литвы и Руси с Польшей неизбежно обернется для литовско-русского государства утратой самостоятельности и, в конечном счете, национально-государственной катастрофой, а для западнорусского народа неисчислимыми бедами.

Поэтому, когда несостоявшийся союзник Мамая на Куликовом поле великий литовский князь Ягайло, прельстившись польской королевской короной, изменил православию (его православное имя Яков) и втянул литовско-русское государство в унию с Польшей, то против этого и за независимость Полоцкой Руси осенью 1385 года выступил князь Андрей Ольгердович. Это была первая освободительная война на Западной Руси. Весной 1387 года при осаде Полоцка польскими войсками Андрей Полоцкий обманом был захвачен в плен и сослан в польский Хенчинский замок.

В 30-х годах XIV столетия русской знатью была предпринята самая решительная попытка освободить западнорусские земли от нарастающей зависимости от Польши. В 1430 году государем литовско-русского государства стал Свидригайло Ольгердович , который в отличие от своего брата Ягайло был категорическим противником унии с Польшей. Вот что сказано о тех событиях в новейшем в Большом белорусском энциклопедическом словаре (ББЭС), в статье «Великое княжество Русское»:

«ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО РУССКОЕ (ВКР), государственное образование с центром в Полоцке. Возникло на части восточнославянских земель, входивших в состав Великого княжество Литовского (ВКЛ). После смерти Витовта в 1430 г. великим князем ВКЛ был избран Свидригайло Ольгердович, который объявил о независимости и разрыве унии с Польшей. В 1432 г. князь Сигизмунд Кейстутович с помощью польских войск осуществил государственный переворот. Православные князья съехались в Полоцк и посадили Свидригайло на «великое княжение Русское», которое отделилось от ВКЛ. В битве у Вилькомира (1435) Свидригайло потерпел

поражение от польско-литовских войск. В 1440 г. православные князья в результате заговора убили в Тракайском замке великого князя Сигизмунда Кейстутовича. Идею ВКР использовал в 1508 г. князь Михаил Глинский. Также ВКР упоминается в 17 в. в Гадячском договоре между Войском Запорожским и Речью Посполитой».
(ББЭС - Минск: Белорусская Энциклопедия им. П.Бровки, 2011, стр. 63)

Великий князь Свидригайло Ольгердович

Казалось бы, что такие драматические и одновременно полные героизма события должны были занять прочное место в учебниках по истории Белоруссии. Но, увы! В учебниках по истории Белоруссии о Великом княжестве Русском даже не упоминается (!), великий князь Свидригайло выставляется недалеким любителем «позвенеть мечами», а борьба за независимость Западной Руси от Польши называется всего лишь некой феодальной войной, т.е. обычной для того времени сварой между князьми-гедеминовичами из-за великокняжеского стола.

К сожалению, подобный антиисторичный унижающий достоинство белорусского народа антинациональный взгляд продолжает оставаться преобладающим в среде теперешних белорусских историков и распространяется не только на антипольские выступления русской знати, но и на все западнорусское освободительное движение в целом.

Особую неприязнь у «нацыянальна-свядомых» вызывает казачество (в первую очередь, запорожское), т.к. именно казацкие отряды, приходившие в XVI-XVII веках на Белую Русь, становились ядром народных восстаний и освободительных войн против польско-шляхетского господства. В свою очередь официальная белорусская историография в большинстве случаев занимает позицию, солидарную с указанной, и предпочитает называть

национально-освободительную борьбу западнорусского народа всего лишь антифеодальными выступлениями.

Но вернемся к Великому княжеству Русскому. Оно хоть и пало в жестокой борьбе, но на долгие века стало определяющей идеей и знаменем освободительной борьбы на Белой и Малой Руси. Через 50 лет после войны князя Свидригайло в 1481 году последовали полные драматизма события, вошедшие в историю под названием «заговор русских князей». Это был ответ на непрекращающиеся ущемления прав православных русских подданных великих литовских князей и польских королей. Целью заговора, который возглавляли князья Федор Бельский, Михаил Олелькович и Иван Гольшанский был захват короля и великого князя Казимира (в Кобрине на свадьбе Федора Бельского и княжны Анны Кобринской), восстановление Великого княжества Русского, союзные отношения с Московским государством или подданство московских государей. Но заговор из-за предательства был раскрыт. Федору Бельскому удалось уйти в Москву, а вот Михаил Олелькович и Иван Гольшанский были схвачены и тайно казнены в киевском замке.

Князь Михаил Олелькович

Однако Михаил Олелькович известен в истории не только тем, что бросил вызов польскому королю, но и как русский князь, благодаря которому на Западной Руси появились казаки. Являясь владельцем Слуцкого княжества, он пригласил к себе на службу полк запорожских казаков. И можно не сомневаться, что в случае удачи в заговоре против короля Казимира казаки стали бы ударной силой войска возрожденного Великого княжества Русского. Но, увы, тогда судьба отвернулась от Западной Руси.

В 1508 году восстание подняли князья Глинские. Это был влиятельный в Литовско-Русском государстве западнорусский княжеский род. Глинские не только последовательно выступали против унии с Польшей, но и были среди тех представителей русской знати, которые были организаторами казачества в Литовской Руси. Так, князь Богдан Федорович Глинский, являясь в 1488 – 1495 годах великокняжеским наместником в Черкассах занимался формированием вооруженных отрядов, которые впервые в

турецких, польских и литовско-русских документах именуются казаками. В 1492 году казаки под началом Богдана Глинского, который имел казацкое прозвище Мамай, совершил успешный поход на крымских татар, а в 1493 году им была взята и разрушена крепость Очаков. В свою очередь в жалобе крымского хана Менгли I Гирея великому князю Литовскому и Русскому Александру войска князя Богдана Глинского («Мамая») именовались «казаками черкасскими». Следует заметить, что героические деяния Богдана Глинского прочно вошли в народное сознание в образе казака Мамая малорусских преданий.

Таким представлялся казак Мамай в народных преданиях

В XVI веке гетманом Войска Запорожского был западнорусский князь Дмитрий Иванович Вишневецкий по прозвищу Байда. Летом 1556 года он построил мощную крепость на острове Хортица , чем заложил знаменитую Запорожскую Сечь, ставшую впоследствии настоящим русским православным рыцарским орденом. В сентябре 1556 года князь Дмитрий Вишневецкий посылает в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, в которой просил принять его, подвластные ему земли от Киева до Дикого поля и подначальных казаков в подданство Царя Русского. Но царь Иван IV был поглощен в этот момент делами на востоке – покорением Астраханского ханства и Ногайской Орды, овладением всем Волжским торговым путем, и отказался от предложения князя Дмитрия Вишневецкого и не воспользовался великолепной возможностью уже в XVI веке воссоединить Малую и Великую России.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий-Байда

Перед тем как вернуться к восстанию Глинских отметим, что такие личности в истории Руси, как князья Богдан Глинский и Дмитрий Вишневецкий, являются свидетельством того, что исторически казачество представляло собой одну из наиболее удачных форм самоорганизации и вооруженной самозащиты русского народа на основе его исконных обычаев и народоправства. У истоков, в частности, запорожского казачества стояли представители русской знати, а казаками становились и бояре, и православные шляхтичи, и горожане, и крестьяне, т.е. все те, кому были нетерпимы навязанные Литовской Руси польские законы с их католическим магнатско-шляхетским гнетом и кто хотел быть вольной Русью с ее воинским казачьим братством.

Восстание Глинских возглавил князь Михаил Львович, программа которого была сродни целям великого князя Свидригайло: независимость русских земель от католических Польши и Литвы, воссоздание Великого княжества Русского. И это далеко не случайно, ведь дед Михаила Глинского Борис Иванович Глинский в 1433 – 1437 годах был служилым князем Свидригайло и непосредственно участвовал в войне за независимость Великого княжества Русского, а отец, Лев Глинский, был причастен к «заговору русских князей» 1481 года.

Правда, в отличие от Свидригайло, Михаил Глинский намеревался сделать центром нового русского государства не Полоцк, а Киев. Избрание последнего в качестве столицы Великого княжества Русского было не только данью старой русской традиции (хотя и это немаловажно), но и намерением опереться на казачество в борьбе против польской короны. Кроме того, вполне возможно, что в случае успеха восстания новое русское государство строилось бы на основах казацкого, близкого к вечевому древнерусскому, народоправства. В этом случае Великое княжество Русское по своему устройству в корне отличалось бы как польско-литовского шляхетского королевства, так и от самодержавной монархии Московского государства.

Но история не знает сослагательного наклонения, и остается только сожалеть об упущенных возможностях. Выступление князей Глинских закончилось безуспешно главным образом вследствие нерешительности действий великого князя Московского Василия III, который, с одной

стороны, поддержал Глинского, а с другой – выделил ему в поддержку незначительные силы под началом воеводы Василия Шемячича и потребовал, чтобы он «далеко с ними не ходил и дело делал бы не спеша». В распоряжении же самого Михаила Глинского была Михаила только небольшая частная армия, в составе которой были и отряды казаков.

Итогом восстания князей Глинских стал тактически выгодный для Василия III мирный договор с Литвой, которая признала за Москвой Северскую и другие русские земли, присоединенные к Русскому государству в ходе военных действий конца XV – начала XVI веков. Но вот шесть западнорусских волостей (в том числе и владения Глинских), занятых восставшими и московскими войсками, Василий III возвратил Литве. Самим же Глинским и их сторонникам был разрешен свободный выезд в Москву. Те же из повстанцев, кто решил остаться после заключения мира, попали под репрессии. Так безрезультатно завершилось последнее освободительное восстание на Западной Руси, во главе которого стояли западнорусские князья. Возможность русского воссоединения была упущена.

После этого наступил этап, когда главной организующей и ударной силой русского сопротивления в польско-литовском королевстве стало казачество. Польско-литовские короли, желавшие расколоть и ослабить набиравшее силу на подвластной им Руси казацкое движение, пытались привлечь к себе на службу хотя бы часть казачества. С этой целью в 1524 году великий князь литовский и король польский Сизизмунд I выдвинул проект создания т.н. реестрововогo казачества, но из-за нехватки денег в казне этот замысел не был осуществлен. Спустя полвека, в 1572 году, его воплотил король Сигизмунд II Август, выпустивший соответствующий универсал. По распоряжению короля коронный гетман Юрий Язловецкий нанял на королевскую службу первых 300 казаков. Они давали присягу королю и должны были не только воевать за Речь Посполитую, но и подавлять народные выступления против панов. Король Стефан Баторий в 1578 году увеличил численность реестра до 600 человек, а 1583 – до 800. Реестровой столицей стал городок Трахтемиров в Киевском воеводстве, где размещались войсковая скарбница, арсенал и зимние квартиры реестровиков. Реестровые казаки имели привилегии безгербовой шляхты (без политических прав) и оплату за службу, имели право избирать своих командиров. Глава реестровых казаков именовался «Гетманом Его Королевской Милости Войска Запорожского». Таким образом, к концу XVI века на польско-литовской Руси существовало два казацких центра: один в Запорожской Сечи, который был очагом казацкой вольной Руси, второй в Трахтемирове, базе реестровых казаков, пошедших на службу к польскому королю.

В 1595 – 1596 годах Западная Русь была охвачена народно-освободительной войной, вождем которой был Северин Наливайко. В советской историографии это восстание было принято называть крестьянско-казацким, а в суверенной Республике Беларусь сугубо антифеодальным. Но ни то, ни другое определение не соответствует исторической действительности. Конечно, в рядах повстанцев было много крестьян, но все

же, помимо казаков, ведущую роль в этой освободительной войне играли жители западнорусских городов или, как они официально назывались, мещане. Кроме того, среди соратников Наливайко было немало и представителей русской православной шляхты.

Северин Наливайко

А как с «антифеодальной направленностью восстания» согласуется то обстоятельство, что духовным вождем русского сопротивления в Речи Посполитой (а, следовательно, и повстанцев) в то время был князь Константин Константинович Острожский? Известно, что примерно в 1594 году Северин Наливайко был сотником в частном войске Острожского и совершал набеги на имения панов и духовных лиц, враждебных православию, а его брат Демьян был переписчиком книг у князя. Формально князь Константин Острожский осуждал вооруженные формы борьбы с польско-католическим засильем на западнорусских землях и отдавал предпочтение просветительской деятельности православных братств, но это скорее была вынужденная позиция, обусловленная недостаточностью вооруженной силы, находившейся в распоряжении уже немногочисленной к тому времени западнорусской знати в Речи Посполитой.

Отсюда следует неоспоримый вывод о том, что восстание Наливайко прежде всего носило национально-освободительный характер и было направлено против власти Речи Посполитой, католического религиозного гнета на подвластных ей русских землях и готовящейся церковной унии.

Но еще до восстания Наливайко на территории нынешней Белоруссии действовали загоны (отряды) вольных казаков. Так, в 1590 году казацкий отряд под началом атамана Матюши совместно с показачившимися русскими крестьянами и мещанами разорял поместья ополячившихся магнатов Ходкевичей и взял крепость Быхов. И только под давлением польско-литовских войск отряд Матюши отступил с Белой на Малую Русь.

В 1591–1593 годах Волынь, Подолье, Киевщина были охвачены казацким восстанием, во главе которого стоял гетман реестровых казаков Кристоф Косинский. При этом казацкие отряды при поддержке местного населения успешно действовали в Могилевском и Минском воеводствах. В первой половине 1593 года Косинский от имени Запорожской Сечи обратился к Москве с просьбой о принятии в подданство Русского государства. Однако в мае 1593 года Кристоф Коссинский погиб в бою и поэтому это начинание не получило дальнейшего развития.

Следует особо остановиться на том, что походы казацких загонов на западнорусские земли не были какими-то мятежно-грабительскими набегами, каковыми их пытаются представить современные поборники «ясновельможной Речи Посполитой». Это были удары возмездия не только по польским магнатам и католической церкви, но и по тем представителям западнорусской знати, которые изменили своему народу и встали на путь ополячивания.

Освободительная война под руководством Северина Наливайко началась осенью 1594 года на Правобережной Украине. Повстанцы взяли Брацлав, Бар, Винницу и другие города. Вскоре антипольское восстание перекинулось и на Белую Русь, и в 1595 году Наливайко во главе крупного отряда казаков направился на соединение с восставшими белорусскими крестьянами и горожанами. В ноябре–декабре 1595 года отрядами Наливайко были взяты города Петриков, Слуцк и Могилев. К последнему 25 декабря подошло 18-ти тысячное польское войско под командованием речицкого старосты М.Буйвида. На Буйничском поле под Могилевом произошло ожесточенное сражение между двухтысячным войском Наливайко и поляками, которое длилось весь день. С наступлением сумерек казаки совершили прорыв в направлении Быхов–Рогачев–Речица–Петриков. Отступая из Могилева, повстанцы разгромили «домы и маетности шляхетские», лавки богатых купцов-евреев, разрушили городскую тюрьму. Двигаясь вдоль Припяти, казаки Наливайко взяли Давид-Городок, Туров, Лахву и Пинск.

В это же время на юго-востоке нынешней Белоруссии действовал отряд реестровых казаков под началом Матвея Шаулы, который выступил против Речи Посполитой и поддержал Наливайко.

Наливайко в бою

Под давлением польско-литовских войск к весне 1596 года Наливайко отошел на Волынь, а Шаула на Черниговщину. При этом только вместе с войском Наливайко на Малую Русь ушло более тысячи показачившихся жителей Белой Руси. В 1596 году отряды Наливайко и Шаулы соединились в районе Белой Церкви, где вступили в жестокие боестолкновения с польскими войсками коронного гетмана Станислава Жолкевского. После боя под урочищем Острый Камень повстанцы укрепились в урочище Солоница возле местечка Лубны. После двухнедельной осады верхушка реестрового казачества пошла на предательство и выдала Наливайко и других руководителей восстания полякам. В апреле 1597 года Северин Наливайко после зверских пыток был казнен в Варшаве.

Однако с гибелью Наливайко освободительная борьба не прекратилась. На Белой Руси действовали казацкие отряды из местного населения, совершавшие многочисленные нападения на панские поместья и католические монастыри. В 1602 году отряд атамана Дубины предпринял попытку взятия Витебского замка. Штурм для казаков оказался неудачным, атаман попал в плен и был казнен, но его отряд вел повстанческие действия в окрестностях Витебска до 1620 года.

Казацкие отряды, приходившие на Белую Русь, непосредственно способствовали активизации освободительной борьбы на западнорусских землях и становились организующими центрами антипольских, антикатолических и антиуниатских восстаний. В 1613 году подобными выступлениями была охвачена Пинщина и другие восточные волости великого княжества Литовского. В 1615 году отряды казаков атаманов Челятки, Коробки и Каменовского, пополненные крестьянами и беглыми солдатами из частных армий польских магнатов, действовали в окрестностях Слонима.

Освободительная война Богдана Хмельницкого и идея Великого княжества Русского в XVII веке

В 1648 году вспыхнула освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого, целью которой было освобождение всей Руси, находившейся в то время под владычеством Речи Посполитой. Вот что он говорил 6 августа 1657 года по этому поводу на Великой Раде Войска Запорожского незадолго до своей кончины: «Братья, время и болезнь торопят меня. Не буду повторять вам того, что хорошо знаете,–беды и несчастья , которые вытерпел русский народ под польской шляхтой, и страдания нашей православной церкви, преследуемой папежниками… Жалею, братья, что не мог закончить все войны так, как этого бы мне хотелось. Тешил себя надеждой, что навсегда обеспечу вам свободу и независимость, освобожу все русские земли».

Гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий: «Я освобожу русский народ из лядской неволи»

При этом программа Богдана Хмельницкого предполагала не только избавление от польского гнета, но и воссоздание русской государственности в форме Великого княжества Русского на основе уже существовавшей в Малороссии республиканской Гетманшины. Об этом свидетельствует, в частности, первоначальный текст Гадячского договора, который безуспешно предлагал полякам ставший после смерти Богдана Хмельницкого гетманом Войска Запорожского Иван Выговский. Изменив присяге, данной Царству Русскому, Выговский пытался добиться от поляков преобразования Речи Посполитой в тройственную равноправную федерацию Короны Польской, Великого княжества Литовского и Великого княжества Русского. Хотя Иван Выговский и принял титул Великого гетмана княжества Русского и подписал в 1658 году Гадячский договор, польский сейм напрочь отверг даже мысль о какой-либо федерации со «схизматиками».

Гетман Выговский – крайне отрицательный исторический персонаж, который не только предал дело Богдана Хмельницкого, но и своей авантюрной политикой вверг Гетманщину в многолетнюю гражданскую войну – Руину. Однако первоначальный текст Гадячского договора позволяет нам получить некоторое представление о том, в каком виде представлялось возрождение русской государственности на Малой и Белой Руси вождям казацкого народно-освободительного движения. Это должна была быть республика с выборным Великим гетманом Русским во главе, с широкими гражданскими правами казацкого сословия. При этом предусматривались упразднение Брестской церковной унии и союзные отношения с Московским государством.

22 мая 1659 года сейм Речи Посполитой принял усеченный Гадячский договор (королем подписан 10 июня), в котором была полностью уничтожена сама идея Великого княжества Русского и ликвидировано положение об упразднении церковной унии. Над Малой Русью вновь замаячил призрак польско-шляхетского гнета, от которого огромной ценой всего несколько лет назад избавился малороссийский народ. Заключенный Гадячский договор привел к многочисленным восстаниям казаков и крестьян против Выговского, которого обвинили в том, что он «продался ляхам». Это был крах гетмана-авантюриста.

В октябре 1659 года казацкая рада в Белой Церкви утвердила сына Богдана Хмельницкого Юрия в качестве нового гетмана казачества. Выговского принудили отречься от власти и официально передать гетманские атрибуты Хмельницкому. Вскоре Выговский бежал в Польшу, где впоследствии был казнён по обвинению в измене.

Как было показано ранее, Богдан Хмельницкий ставил себе задачей освобождение всей Руси, подвластной Речи Посполитой, поэтому казацкие загоны активно действовали и на белорусских землях. В 1648–1649 годах на Белой Руси вели боевые действия отряды Головацкого, Небабы, Кривошапки, Непалича, Кривоноса, Голоты и других атаманов.

В июне 1648 года полковник Пётр Головацкий начал повстанческие действия на русских землях, входивших в то время в Великое княжество Литовское. В начале он взял Стародуб (ныне Брянская обл.), где было перебито много шляхты, затем занял Гомель и Речицу, после чего начал поиск в отношении крепости Быхов. Причем в Гомеле горожане сами открыли ворота казакам, и таким образом без боя был взят сильно укрепленный гомельский замок. При этом на сторону повстанцев перешли не только многие мещане, но и гомельский войт (глава городского управления). Тогда в Гомеле в казаки из мещан записалось тысяча человек, готовых сразу воевать.

Местное население с воодушевлением встречало казаков и постоянно пополняло их ряды. Восстание против польской магнатско-шляхетской неволи приобретало поистине всенародный характер. Вот, что свидетельствовал по этому поводу канцлер литовский Альбрехт Радзивилл: «не только казаки подняли бунт, но и все наши крепостные на Руси к ним

присоединились и войско казакам увеличили». В свою очередь «гетман польный литовский» (заместитель руководителя вооруженных сил ВКЛ) Януш Радзивилл доносил королю (правда, уже позже, в 1654 г.), что «в казаки идут не только из черни, но и звания рыцарского люди во множестве».

Казацкий загон

Пожар народно-освободительной войны вскоре охватил Полесье, Поднепровье, центральную часть современной Белоруссии. В течение лета – осени 1648 года казаки и повстанцы помимо Гомеля и Речицы взяли Лоев, Чечерск, Брагин, Пинск, Бобруйск, Жлобин, Мозырь, Чериков, Туров, Петриков и ряд других городов и местечек на юге Белой Руси.

К повстанцам присоединялись большие массы крестьян и мещан. «Все показачились и поклялись друг другу защищаться до последнего», – писал современник. Казаки воевали отважно и при этом беспощадно карали врагов вольной Руси. Гнев исстрадавшегося западнорусского народа обрушился на ненавистных угнетателей. Повстанцы с казаками нападали на шляхетские имения, жгли и разоряли костелы, убивали ксендзов и ненавистную шляхту: «костели палили, ксинзов забивали, дворы и замки шляхетские пустошили, не зоставляючи ни однаго целого. И на тот час туга великая людем всякого стану значима была и наруганная от посполитых людей, а найбольше от гультайства».

Осенью 1648 года сейм Речи Посполитой направил 60-ти тысячное, вооруженное артиллерией войско – «посполитое рушение» (всеобщее шляхетское ополчение) и наемные войска во главе с Янушем Радзивиллом на подавление восстания, которым были в той или иной степени охвачены практически все западнорусские земли. Вот его слова по этому поводу: «Во всем великом княжестве Литовском, кроме княжества Жмудского, вряд ли

есть повет (административно-территориальная единица в Речи Посполитой – авт.), который нельзя причислить к лицу мятежных».

Гетман польный литовский Януш Радзивилл

А вот что писал о тех событиях царю севский воевода: «белорусцы де ... всякие чёрные люди всех городов и уездов, которые городы за казаками, стоят против поляков с казаками заодно».А вот сообщение от 30 мая 1648 года путивльского воеводы Плещеева: «А которые де, государь, литовские городы по сю сторону (т. е. по левый берег.– авт.) Днепра, и ис тех де, государь, литовских городов из всех паны, и державцы, и урядники, и ляхи, и жиды все выбежали з женами и з детьми за Днепр в королевские городы, а остались де в тех литовских городех одне мещане и пашенные мужики».

Важно подчеркнуть, что казацкое движение имело общерусский характер, и среди запорожцев было немало выходцев с Белой Руси, в том числе и среди старшины. Одним из таких был уроженец Быхова (ныне Могилевская обл.) полковник Войска Запорожского, сподвижник Богдана Хмельницкого Филон Гаркуша.

В 1648 году он во главе отряда казаков пришел на Белую Русь, где к нему присоединились повстанцы из числа местных крестьян и горожан. Навстречу Гаркуше выступило польско-литовское войско под началом стражника Великого княжества Литовского (высокий военный чин) Г.Мирского. Ожесточенный бой произошел возле местечка Горваль (ныне деревня в Гомельской обл.), в ходе которого поляки были разгромлены. В декабре 1648 года Гаркуша осаждал крепость Быхов. В 1651 году Филон Гаркуша с отрядом в 15 тысяч человек вел боевые действия в районе реки Припять, затем по распоряжению Богдана Хмельницкого с отрядом казаков по Днепру прибыл в Киев. В апреле-марте 1654 года был послом Богдана Хмельницкого в Москве.

Еще одним крупным казацким отрядом командовал уроженец Слуцка русский православный шляхтич Иван Соколовский. Идеи, которые несло запорожское казачество на Белую Русь – православие, воля и народоправство – находили самый широкий отклик у местного русского населения, которое

не только вступало в казацкие отряды, но и начинало устраивать свою жизнь на казацкий манер. Так, на Слутчине была образована собственная Сечь, при этом Слуцкий казацкий круг провозгласил Соколовского гетманом Костёрским (от костер, сполох, т.е. восстание), который на подначальной территории принялся осуществлять казацкие преобразования. Из Слуцкой Сечи изгонялись владетельные паны, землю и скарб которых распределяли среди малоимущих.

На подавление Слуцкой казацкой республики тогдашний владетель Слуцкого княжества Януш Радзивилл направил многочисленное, вооруженное артиллерией наемное войско. Слуцким казакам пришлось отступать, прикрывая исход на Малую Русь большого количества крестьянских и мещанских семей с обозами. 3 сентября 1648 года у переправы через реку Случь, у дер. Погост (ныне Солигорский район), произошло сражение казаков с карательными войсками Радзивилла. В ходе жестокой битвы погибло более двух тысяч казаков, в том числе гетман Иван Соколовский и войсковой писарь Турчинович. И все же оставшимся в живых казакам вместе с обозами беженцев удалось прорваться сквозь войска Радзивилла и уйти на Малую Русь.

Борьба казаков и присоединившихся к ним показачившихся западнорусских крестьян и горожан с карательными польско-литовскими шляхетскими войсками носила крайне ожесточенный характер. Многие города (Гомель, Брагин, Лоев и другие) с радостью встречали повстанцев. При этом мещане Пинска, Мозыря, Бобруйска, Бреста и других белорусских городов вместе с казацкими отрядами мужественно защищались от карательных шляхетских войск, действиями которых руководили польско-литовские магнаты Радзивиллы.

Шляхетские войска действовали в отношении повстанцев с чрезвычайным зверством и жестокостью. Вот только некоторые свидетельства этого. При взятии Пинска радзивилловскими наемниками и шляхтой было убито более 3-х тысяч горожан, а сам город был сожжен. В Бресте были расстреляны и порублены несколько тысяч горожан. 11 ноября 1648 года был сожжен город Чериков и убиты 1500 его жителей. В январе 1649 года по личному приказу Януша Радзивилла был дотла сожжен Туров, а население перебито. Такая же трагическая учесть постигла Мозырь и Бобруйск.

Шляхетские войска на Белой Руси

События в Бобруйске (в то время население города было около 6 тысяч человек) развивались следующим образом. В октябре 1648 года в городе произошло восстание горожан против власти Речи Посполитой, произвола шляхты, засилья католической церкви и ростовщиков-евреев. В ходе восстания был разорен недавно построенный католический костел, бобруйский староста утоплен в Березине, а оказавшая вооруженное сопротивление шляхта перебита. На помощь восставшим мещанам в город прибыл отряд казаков во главе с атаманом Михненкой. На подавление бобруйского восстания из крепости Быхов был направлен крупный отряд наемных войск под командованием «хорунжего литовского» Паца, который был разбит 18 декабря казаками и повстанцами под стенами города. Сам же хорунжий был взят в плен.

В начале января 1649 года к городу подошло крупное соединение (около двух тысяч) наемных войск и шляхты под командованием «писаря Великого княжества Литовского» (высокая государственная должность в ВКЛ) Владислава Воловича. В течение четырех недель повстанцы и пришедшие им на помощь казаки полковника Поддубского успешно отражали атаки регулярной армии и шляхетского ополчения. Тогда на подкрепление к Воловичу подошло посланное королем Яном Казимиром войско гетмана Януша Радзивилла, который предложил казакам и горожанам капитулировать. Получив отказ, Радзивилл предпринял массированный штурм города, но потерпел неудачу. После чего город был взят в осаду. Радзивилл больше не предпринимал попыток штурмовать город, а через своих шпионов начал склонять к предательству купцов, богатых горожан и

духовенство, обещая сохранить им жизнь и имущество. При этом напольным гетманом было выдвинуто одно условие – выдать предводителей повстанцев.

И вот ночью 12 февраля 1649 года были открыты ворота Бобруйска, из которых навстречу осаждавшим вышли духовенство и зажиточные горожане с семьями. Однако, презрев все обещания, карательные войска ворвались в город и начали чинить зверскую расправу над горожанами и казаками. Многие из горожан сгорели в подожженных домах. Сам же полковник Поддубский с небольшим отрядом казаков засел в деревянной крепостной башне и продолжал сражаться. Тогда башня была подожжена, большинство защитников сгорело живьем, сам же Поддубский с группой казаков пошел на прорыв, им удалось пробиться к Березине и броситься в зимнюю реку (сплошного льда на ней не было) и все же уйти от карателей им не удалось. Полковник Поддубский был схвачен и мучительно казнен. Всего в Бобруйске по приказу Радзивилла у 800 человек были отсечены руки, 150 человек были обезглавлены, 100 человек посажены на кол. Многие из не погибших в бою повстанцев не желая попадать в руки врага, «спрятались в кучу лежачего томов леса и, предпочитая вольную смерть лучше, нежели каково грозил их победитель, сожгли в том сами себя». Не остановила жуткую расправу над повстанцами и торжественная процессия православного духовенства с просьбой прекратить убийства. Шляхта и наемники только смеялись над «глупством попов».

В первой половине 1649 года большинство восставших западнорусских городов в результате ожесточенных штурмов было взято войсками Радзивилла. Одной из существенных причин такого хода событий была недостаточная организованность и невысокая воинская подготовка подавляющей массы восставших. Отряды же запорожских казаков, составлявших военное ядро западнорусских повстанцев, редко превышали одну-две тысячи человек. В большинстве своем это были формирования в несколько сот казаков.

К примеру, в декабре 1648 года Богдан Хмельницкий направил на Гомель, Быхов и Кричев казацкие отряды из Новгород-Северского в 300 и из Мены (ныне Черниговская обл.) в 600 сабель. Весной 1649 года в Гомель вступили отряды черниговского полковника Мартына Небабы общей численностью в 2500 казаков.

Поэтому западнорусским повстанцам, а это в основной своей массе были крестьяне и мещане, т.е. люди мирных профессий, хотя многие из них и показачились, несмотря на отчаянный героизм и жгучую ненависть к угнетателям, было сложно противостоять жестокой и беспощадной профессиональной шляхетско-наемнической карательной армии Януша Радзивилла. Направлять же на Белую Русь крупные соединения казаков у Богдана Хмельницкого не было возможности, т.к. в это время Малая Русь вела тяжелую борьбу с Короной Польской.

В начале лета 1649 года Радзивилл захватил показачившийся Чечерск (ныне Гомельская обл.), где он устроил жестокую расправу над чечерскими казаками. Вот что писал очевидец тех кровавых событий: «выбрав

полтораста человек, отсекли правые руки по запястья, а 50 человек де на колья посажали, а достольных де казаков и их жон и детей порубили всех». Взят был войсками Радзивилла и Лоев, где также все казаки и их семьи были «казнены смертию». После чего войско Радзивилла пыталось закрепиться на левом берегу Днепра и двинулось на Гомель, «но казаки де их, ляхов, что пришли с литовского повету на сю сторону Днепра не пропустили».

И все же главной целью армии Януша Радзивилла было не «умиротворение» Белой Руси, а нанесение флангового удара с севера по войскам Богдана Хмельницкого и совместное с силами Короны Польской разгрома восстания на Малой Руси. Поэтому, пройдя огнем и мечом по Западной Руси, напольный гетман литовский Радзивилл направился из-под Речицы к Лоеву, у которого находились т.н. «Лоевские ворота» (переправы через Днепр), после взятия которых под контроль он намеревался идти на Киев. В то время в Лоеве располагался казацко-крестьянский загон Степана Пободайлы, который и преградил путь врагу, на помощь которому из Малороссии шел крупный отряд (около 10 тысяч) казаков под началом наказного гетмана Михаила Кричевского. 24 июля загон Кричевского переправился через Припять и 29 июля занял местечко Холмеч (ныне деревня в Гомельской обл.).

31 июля 1649 года произошло сражение казацких и крестьянских отрядов с армией Януша Радзивилла, вошедшее в историю под названием Лоевская битва. Рано утром гетман Кричевский, вопреки советам старшин, не дождавшись своей пехоты и обоза с артиллерией и не соединившись с загоном Подбайлы, стремительно атаковал в конном строю лагерь королевских войск. Возможно, внезапная атака привела бы к успеху, но неожиданно в тыл атакующим казакам ударило две тысячи конной шляхты, возвращавшейся из поиска из-под Брагина. Атакующие были рассечены пополам, левое крыло разбито, правое отступило в лес в долину Днепра, где казаки быстро из веток деревьев, трупов лошадей и тел павших товарищей возвели укрепления.

В это время, узнав о разгоревшемся сражении, на помощь Кричевскому устремился Пободайло, начав переправу через Днепр. К моменту подхода к месту переправы немецкой пехоты и литовских драгун на берег высадилось не более половины отряда Пободайлы. Казаки отбили две атаки королевских войск. Только третий фланговый кавалерийский удар позволил противнику скинуть казаков в реку.

Оборонительный бой казаков

Казацкий гуляй-город

Казацкий укрепленный табор – «гуляй-город» с пехотой и присоединившимися белорусскими крестьянами, который спешил на поле боя, был атакован с трех сторон польско-литовскими войсками (немецкая пехота, драгуны, татарские хоругви) и после ожесточенного боя был разбит. После чего, соединившись, все войска Радзивилла обрушились на укрепления казаков Кричевского в лесу. Три больших штурма пехоты и спешенной кавалерии при поддержке артиллерии были отбиты казаками с большими потерями для королевских войск. С наступлением темноты Радзивилл отвел свои войска в укрепленный лагерь, а казаки, воспользовавшись этим, отступили.

Так опрометчивость наказного гетмана Кричевского обернулась тяжелой неудачей. Согласно польскоязычной «Всеобщей энциклопедии» («Encyklopedja Powszechna») 1901 года (издатель Самюэль Оргелбранд) безвозвратные потери казацко-крестьянского войска в том сражении составили 3 тысячи человек и 12 знамен. Сам же Михаил Кричевский был тяжело ранен и захвачен в плен. Радзивилл рассчитывал получить от него сведения о военных планах Богдана Хмельницкого. Но он не выдал тайны и принял мученическую смерть.

В результате сражения шляхетская армия вернула себе контроль над Лоевым, переправа же через Днепр осталась под контролем казаков Пободайло. Войско Радзивилла понесло тяжелые потери и отошло под стены Речицы, а непрерывные нападения казаков и повстанцев на путях снабжения сделали невозможным дальнейшее наступление армии Радзивилла на Киев. Фланговый удар по Богдану Хмельницкому был предотвращен.
Позже шляхта и наемники осадили, взяли и сожгли Гомель, перебив при этом значительную часть его жителей. После чего в городе был размещен

большой гарнизон наемных немецко-венгерских войск под командой капитана Монтгомери и шляхетское ополчение.

После этих драматических событий и заключения в августе 1649 года Зборовского договора между Богданом Хмельницким и королем Речи Посполитой Яном Казимиром казацко-повстанческое движение на Белой Руси временно пошло на спад. И хотя малороссийские казацкие загоны в связи с перемирием были отозваны с Белой Руси, а вдоль левого берега Припяти расставлены заградительные отряды войск Радзивилла, отряды собственно белорусских казаков, состоявшие преимущественно из западнорусских крестьян и мещан не сложили оружия и не расходились по домам. Так, киевский воевода Адам Кисель, проезжавший через Белую Русь в октябре 1649 года, писал коронному канцлеру Ежи Оссолинскому: «Плебс продолжает оставаться в отрядах и домой панов не пускает». В апреле 1650 года тот же Кисель сообщал королю, что народ крайне возмущен и не желает возвращаться под власть панов и в большом количестве уходит на Малую Русь и в Русское государство.

Однако уже в мае 1651 года повстанческие действия на юге Белой Руси возобновились. Несколько казацких загонов направляются в окрестности Кричева, Мстиславля, Лоева и других городов. Черниговский полковник Мартын Небаба направляет к Гомелю крупный отряд казаков (до 7 тысяч) во главе с полковниками Забелой и Окшей.

Зная враждебное отношения горожан к королевским наемникам и шляхте и желая обезопасить себя от «неожиданностей», комендант гарнизона при подходе казаков к городу приказал перебить всех жителей Гомеля, что и было сделано. Вот что писал об этом «умиротворении» гомельчан королю Яну Казимиру гетман литовский Януш Радзивилл в письме от 9 июня 1651 года: «Развернув во всех направлениях враждебные действия, неприятель подошел к Гомелю и окопался возле города. На следующий день с утра были слышны крики и стрельба. Штурм был отбит. Среди мещан обнаружилась измена. Семеро из них спустились со стены к неприятелю. Поэтому наши всех мещан вырезали».

Осада Гомеля продолжалась до июля, было предпринято несколько штурмов, но взять город на этот раз казакам не удалось. 9 июля по приказу Небабы казацкие загоны отошли от города. А 6 июля 1651 года возле деревни Репки недалеко от Лоева состоялось сражение между казацко-повстанческим войском под предводительством Мартына Небабы и армией Януша Радзивилла. Уступавшая по численности и качеству вооружения, казацкая армия потерпела поражение, сам же Бебаба погиб в бою.

Еще более тяжелым стало положение казацкого движения после неудачного для Богдана Хмельницкого сражения под Берестечком на Волыни (28 июня–10 июля 1651 г.) и заключения Белоцерковского соглашения от 18 сентября 1651 года, в соответствии с которым все казацкие отряды были выведены с Белой Руси, что позволило войскам Януша Радзивилла и шляхетским отрядам задушить практически все очаги

крестьянско-мещанских выступлений. Однако затишье было временным, т.к. никакой террор не способен был убить в западнорусском народе стремление к «вольной Руси», выраженной в мечте о казацком самоуправлении.

Богдан Хмельницкий хорошо знал обстановку на Белой Руси и постоянно побуждал царя Алексея Михайловича к решительному выступлению в поддержку «Руси против ляхов» убеждал его в том, что как только государь примет под свою руку Малую Россию, то Белая Русь тотчас поднимется на борьбу с польским владычеством. Послы гетмана говорили в Москве весной 1653 года: «только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди учнут с ляхи битца; а будет де их двести тысяч».

В октябре 1653 года Земский собор принял решение о принятии в подданство Царства Русского Запорожского Войска и объявил войну Речи Посполитой. 18 января 1654 года в Переяславле состоялась знаменитая Переяславская Рада, выразившая волю Малой Руси к единству с Россией.

Переяславская Рада

После Переяславской Рады гетман реестровых казаков стал именоваться «Гетман его царского пресветлого величества Войска Запорожского». При этом царь Алексей Михайлович утвердил численность реестрового казачества в 60 тысяч, положил жалованье казацкой старшине. Было также сохранено местное казацкое управление. Кроме того Царство Русское должно было начать войну против Речи Посполитой. Со своей стороны реестровое казачество обязывалось направлять налоги в государеву

казну и воевать с его врагами. В то же время были ограничены самостоятельные дипломатические отношения Войска Запорожского с Крымским ханством, Турцией и Польшей, оставаясь свободными с другими государствами.

23 мая 1654 года начался знаменитый Государев поход, главной целью которого было возвращение земель, утраченных в ходе Смутного времени, в первую очередь Смоленска, с дальнейшим (при благоприятном ходе событий) присоединением западнорусских земель с выходом на исторические границы Древнерусского государства. Первый этап войны проходил для Московского государства весьма успешно. 24 августа 1654 года у села Шепелевичи под Борисовом в битве столкнулись войско князя Алексея Трубецкого и армия великого гетмана литовского Януша Радзивилла, идущего на помощь осажденного русскими войсками Смоленску. В ходе сражения войско Радзивилла было полностью разгромлено. Вот что писал воевода Трубецкой находившемуся в то время под Смоленском царю: «гетмана Радивила побили, за 15 верст до литовского города Борисова, на речке на Шкловке, а в языках взяли 12 полковников, и знамя, и бунчук Радивилов взяли, и знамена и литавры поимали, и всяких литовских людей в языках взяли 270 человек; а сам Радивил утек с небольшими людьми, ранен». Результатом сражения под Борисовом стало взятие русскими войсками 31 августа крепости Шклов и капитуляция 23 сентября польско-литовского гарнизона Смоленска. А в направлении Полоцка и Витебска продвигались войска под началом воеводы Василия Шереметева. 16 июня 1654 года недалеко от Полоцка у деревни Юровичи он нанёс сильное поражение польскому войску князя Соколинского, а 17 июня вошел в Полоцк.

Войско царя Алексея Михайловича выступает в Государев поход на Западную Русь

В конце августа боярин Василий Шереметев во главе войска в 4200 человек пехоты с 20 пушками осадил Витебск, который имел два замка и считался лучшей литовской крепостью на Двине. В крепости был сильный польско-литовский гарнизон, оказавший ожесточённое сопротивление. Тогда на помощь осаждавшим подошли 1000 запорожских казаков Василия Золотаренко и два солдатских полка из-под Смоленска. Началась правильная осада, которая продолжалась два месяца. 17 ноября был принят штурм, в ходе которого осаждавшие взяли большинство укреплений города и гарнизон сдался. Воевода Василий Шереметев милостиво отнёсся к взятой в плен шляхте, с которой договорился по пунктам и отпустил на свободу.

В Государевом походе особая роль отводилась казацкому корпусу наказного гетмана Ивана Золотаренко, сформированного на основе Нежинского, Черниговского и Стародубского полков. Предполагалось, что численность корпуса будет равняться 20 тысячам человек, на самом деле в боевых действиях принимало участие не более 8 тысяч казаков. В ходе боевых действий казацкими частями были взяты Речица, Жлобин, Стрешин, Рогачев, Гомель, Чечерск, Пропойск и Новый Быхов, разрушен королевский город Казимир. При осаде крепости Старый Быхов гетман Золотаренко был смертельно ранен и умер. После гибели Иван Золотаренко полками Войска Запорожского на Белой Руси стал командовать Иван Нечай, именовавшийся белорусским полковником. В 1656 году полки Нечая взяли Старый Быхов, который он сделал опорной базой.

Наказной гетман Иван Золотаренко

Россия и казачество на белорусских землях

По мере перехода земель Белой Руси под присягу русского царя на части из них начали производиться административно-территориальные преобразования на казацких основах. Официальным же днем рождения белорусского казачества по праву является 22 июля 1654 года когда по указу царя Алексея Михайловича был создан Белорусский казачий полк, во главе которого был поставлен могилевский православный шляхтич Константин Поклонский. Ему был присвоен чин полковника. Белорусский казачий полк был сформирован в июле-августе 1654 года в Радомском замке (ныне дер. Радомля Чаусского района Могилевской обл.) из православной шляхты, мещан и крестьян Могилевского, Мстиславского и Чаусского поветов (уездов).

В августе на сторону Царства Русского перешел Могилев. Горожане отказались впускать в город Януша Радзивилла и отправили послов к русскому командованию со словами, что «мы де все будем битца с Радивилом, пока нам станет, а в Могилев Радивилла не пустим», а 24 августа «могилевцы всех чинов люди встречали честно, со святыми иконами и пустили в город» русские войска и Белорусский казачий полк. После чего Могилев был передан Белорусскому казачьему полку во временное управление, преобразовав повет в полковую административно-территориальную единицу. Причем первый полковник Белорусского казачьего полка, а им был могилевский православный шляхтич Константин Поклонский, выступал за подчинение в будущем сформированного белорусского казачества непосредственно царю, а не гетману Войска Запорожского. Во главе полка стояли выборные полковник и полковая старшина. Избирались они на неограниченное время. Однако могли быть

лишены должности царем или гетманом, а так же решением рады (совета) старшины.

В отличие от воевод-полковников домонгольской Руси, русских княжеств, Московского государства, Литовско-Русского великого княжества и Речи Посполитой и полковников регулярных войск, полковник слободского казачьего полка представлял одновременно административную и военную власть. Полковник мог издавать указы (универсалы) и распоряжения. Символом полковничьей власти был шестопёр (пернач, разновидность булавы шестигранной формы), полковая хоругвь, полковничья печать. Кроме того, существовала временная должность – наказной полковник. Он исполнял обязанности полковника при выступлении казачьего отряда в поход или замещал полковника в случае невозможности исполнения им своих обязанностей.

Казаки Белорусского казачьего полка

Полковая старшина как правило, состояла из шести человек: полковой обозный, судья, есаул, хорунжий и два писаря.

Полковой обозный – первый заместитель полковника. Заведовал артиллерией и крепостными сооружениями. В отсутствие полковника замещал его, но не имел права (в отличие от наказного полковника) издавать приказы-универсалы.

Судья – заведовал гражданским судом в полковой ратуше. Есаул являлся помощником полковника по военным делам. Хорунжий командовал «хорунжевыми» казаками, т.е. охраной полковника и старшины. Заведовал также полковой музыкой и отвечал за сохранность хоругви (знамени полка). Писари были секретарями в ратуше. Один заведовал военными делами, второй – гражданскими.

Полк делился на сотни, которые являлись административно-территориальными единицами в составе полка. Сотня возглавлялась сотником с широкими военными, административными, судебными и финансовыми полномочиями. Сотник избирался иногда казаками сотни, но

чаще сотенной старшиной и утверждался полковниками. Сотенная старшина состояла из сотника, сотенного атамана, есаула, писаря и хорунжего.

Сотенный атаман – заместитель сотника. Воплощал в себе обязанности обозного и судьи на сотенном уровне. Есаул являлся помощником сотника по военным делам. Писарь был секретарем, в ведении хорунжего находилось знамя (хоругвь) сотни.

Старшина полка в большинстве своем комплектовалась из шляхты, причем не только из русской, но даже и из польской. Так, одним из сотников был польский шляхтич Яковинский, принявший православие. К концу 1654 года общая численность полка составляла 4 тысячи человек.

Как свидетельствуют источники, в составе Белорусского казачьего полка было 19 сотен: 1-я, 2-я и 3-я Могилевские, Чауская, Горская, Заболоцкая, Городенская, Акулинская, Гомельская, Святозерская, Улановская, Рогозинская, Белявицкая, Чериковская, Вербеская, Пропойская, Чечерская, Меженская, Смолянская. По-видимому, речь шла о формировании в последующем на западных рубежах Царства Русского слободского Белорусского казачьего войска. Полковниками белорусского казачьего полка были Константин Поклонский (1654–1655 г.г.), Павел Окурский (с 1655 г.), Матвей Старинский, наказной полковник (1655 г.), Иван Нечай (с 1656 г.).

Часть казаков жили по своим дворам, остальные, не имевшие оседлости, были размещены для прокормления по еврейским дворам. Казаки Белорусского полка получали из царской казны жалованье натурой.

Однако казачья старшина не довольствовалась лишь царским жалованьем и официальным кормлением на местах постоя, а занималась и самовольными поборами, что вызывало не только жалобы со стороны населения, но наносило серьезный ущерб авторитету новой царской администрации, что было непозволительно в условиях войны.

Поэтому, сразу по прибытии в Могилев в середине октября 1654 года, новый воевода Иван Алферьев вынужден был помимо прочего пресекать и незаконные действия казачьей старшины. Вот что он писал государю в начале декабря: «Могилевцам и Могилевскому уезду была обида большая от козаков, стацеи со всего Могилевского уезда они выбрали все, и как скоро Золотаренковы козаки из Могилевского уезда вышли, то стали делать обиды большие козаки Поклонского полка, лошадей и животину отнимают и платье грабят, стрельцов и солдат в уезде и в городе на карауле по воротам бьют, и от их побоев многие стрельцы и солдаты лежат при смерти, и твоих государевых запасов с Могилевского уезда выбрать не дадут. А полковник Поклонский козаков не унимает, на твою государеву службу нейдет и козаков не посылает; а на той стороне реки Березы ляхи, и от Могилева до реки Березы только 80 верст».

Выйдя к Березине войска Радзивилла начали нападать на земли, лежащие на левой стороне реки: «ляхи... крестьян православное веры в дву местех, в Бобруйску и в Свислочи, по той стороне высекли». В первой половине октября Радзивилл форсировал Березину и, проводя карательные

акции, начал непосредственно угрожать Могилеву: «польское войско, как могло, наипаче же, укрепя великие загоны, нашествия мучительския чинят людям, рубят городы и деревни от основания искореняют».

Белорусский казачий полк принимал непосредственное участие в оборонительных боях с польскими войсками под Минском и Борисовом, а затем в 3-х месячной обороне Могилева от армии великого гетмана литовского Януша Радзивилла и польного гетмана литовского Винцента Гонсевского в феврале–апреле 1655 года. Тогда от более чем 30-ти тысячного польского войска город обороняли 2,5 тысячи московских ратных людей и 4 тысячи белорусских казаков.

Осадив 12 февраля Могилев, Радзивилл предложил горожанам сдаться. Но гарнизон и местное население не только отказались, но и сами атаковали («все сопча до обороны и бою ударили») осаждающих. Это было настолько неожиданно, что войска Радзивилла «проч от города на несколько миль отступили». Это позволило войти в город, пришедшему на помощь Могилеву русскому солдатскому полку Германа Фанштадена.

16 февраля начался общий штурм города. При этом Радзивилл делал ставку на измену части могилевской шляхты и полковника Поклонского. Однако его расчет не оправдался. И хотя во время приступа польско-литовских войск «сам полковник, сотников 4 человека, да ляхов незначительно» открыли ворота и впустили в большой земляной вал с Зареченской стороны королевское войско, Белорусский казачий полк остался верен присяге и, атаковав противника, закрыл ворота Заднепровского предместья. Новым полковником стал шляхтич сотник Павел Окурский.

После этого последовало еще пять штурмов (18 февраля, 8 марта, 9 и 13 апреля, 1мая). После чего Радзивилл «в большом валу дворы попалил» и со «стыдом проч пошел» за Березину. Войска Радзивилла насильно увели с собой многих горожан, но под Толочиным (ныне Витебская обл.) запорожские казаки Ефима Коробко, разгромили два полка из войск Радзивилла, захватили четыре знамени и отбили 2 тысячи могилевских мещан.

Осада Могилева войсками Радзивилла тяжело обошлась жителям города. Всего за время осады вследствие военных действий, нехватки воды и продовольствия погибло 14 тысяч мещан и «уездных людей». Городу был нанесен серьезный материальный ущерб. Поэтому в начале лета 1655 года основной базой Белорусского казачьего полка (наказной полковник М.Старинский) становятся города Чаусы, Чериков и Пропойск (ныне Славгород).

Помимо Белорусского казачьего полка на территории современной Белоруссии в 1657–1659 годах существовала такая административно-территориальная и военная единица малороссийского казачества, как Пинско-Туровский полк. Полковым городом был Пинск, сами же полковники преимущественно находились в Турове и Давид-Городке. Его полковниками были Иван Якименко (Груша), Самойло Богданович-Зарудный, Василий Дворецкий и Константин Выговский. Все они были активными участниками

освободительной войны Богдана Хмельницкого, а Василий Дворецкий за усердную службу в 1665 году был пожалован царем Алексеем Михайловичем в дворянство.

О Белорусском казачьем полке осталось не так уж много исторических свидетельств. Последним известным полковником был показаченный мстиславский шляхтич Иван Нечай, бывший одновременно наказным гетманом Войска Запорожского на Белой Руси. Он заменил на этом посту погибшего при осаде казаками крепости Старый Быхов Ивана Золотаренко. В отличие от Золотаренко, Иван Нечай не обладал политической дальновидностью и поддержал Ивана Выговского, ставшего гетманом Малой России после смерти Богдана Хмельницкого, в его измене общерусскому делу и попытке вновь отдать Малую Русь под власть Польши.

Авантюра Выговского обернулась катастрофой для Малой Руси, которая была втянута в пучину братоубийственной войны – «Руину», когда «Русь стала воевать с Русью». Измена Выговского и последовавшие за ней раскол малороссийского казачества и кровавая смута не только усилили безнадежные в тот период позиции Речи Посполитой в отношениях с Русским государством, но и отсрочили ее крах еще на полтора столетия. А Русская земля, несмотря на то, что часть Малороссии вернулась в лоно русской государственности, по-прежнему оставалась разделенной.

Заключенное в 1667 году между царством Русским и Речью Посполитой Андрусовское перемирие обычно представляется как вполне удачное для России завершение многолетней войны с Речью Посполитой. Действительно, на первый взгляд может так и показаться. Русскому государству были возвращены Смоленск, Дорогобуж, Северская земля с Черниговом и Стародубом и некоторые другие города. Польша признавала воссоединение Левобережной Украины с Царством Русским. Кроме того, Киев по договору оставался за Москвой до 1669 года, но под Польшу он так больше и не вернулся. Запорожская Сечь должна была находиться под двойным управлением русского царя и польского короля, но это условие не выполнялось, так как запорожцы не могли терпеть над собой даже самой формальной польской власти.

Однако, если рассматривать этот вопрос не только с точки зрения Царства Русского как государства, но и с позиции общерусских интересов, Андрусовский мир выглядит скорее как серьезная неудача тогдашней российской дипломатии, значительно обесценившая победы русского оружия. Ведь за Польшей оставались Правобережная Украина и Белая Русь, и таким образом длительная и кровопролитная борьба этих русских земель за свободу и единство с Восточной Русью вновь оказалась не доведенной до своего естественного завершения.

Сейчас можно только догадываться о том потрясении, которое испытывало западнорусское православное население перед перспективами нового польско-католического ярма и шляхетского беспредела. И поэтому неудивительно, что именно в эти годы имел место массовый исход белорусского, в первую очередь городского, населения в Московское

государство и Левобережную Украину. Именно в это время навсегда покинул Белоруссию и знаменитый просветитель Симеон Полоцкий. Тогда же было положено начало резкому изменению облика и национального состава белорусских городов с западнорусского на польско-еврейский.

После ухода русских войск и казацких отрядов Западная Русь оказалась не просто под скипетром польского короля, а во власти магнатско-шляхетского католического произвола. На подвластных Речи Посполитой белорусских и малорусских землях стал набирать силу антипровославный и антирусский беспредел, и дело шло к полной ликвидации русской составляющей Великого княжества Литовского и Русского. В 1696 году сейм Речи Посполитой запрещает использование русского языка в официальной и деловой жизни ВКЛР, полностью заменив его на польский: ««pisarz powinien po polsku, a nie po rusku pisac» («писарь должен по-польски, а не по-русски писать»). И хотя в полном официальном названии княжества – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных – слово «русский» еще сохранялось, но на деле оно было превращено в польскую провинцию Речи Посполитой.

Что же касается казачества, то в условиях, возникших на Белой Руси после Андрусовского мира, было невозможно сохранение каких-либо казачьих структур. Белорусский казачий полк, по-видимому, был либо упразднен, либо ушел в область Войска Запорожского. В то же время имеются, хотя и довольно глухие сведения, что какая-то казачья община (видимо, как остаточная структура Белорусского казачьего полка) существовала в Чаусах и в более позднее время, вплоть до возврата этой местности в состав российского государства.

В то же время уже после Андрусовского мира, в 1684 году, села по левому берегу Сожа Гомельской и прилегающих волостей «от Гомля до самого Рославля» вновь показачились и перешли под власть малороссийского Стародубского полка.

Герб Стародубского полка

После т.н. разделов Речи Посполитой и вхождения западнорусских земель в состав Российской империи казаки присутствовали в Белоруссии в составе расположенных на данной территории казачьих частей и соединений Русской армии. А также принимали непосредственное участие в боевых действиях на территории Белоруссии во время Отечественной войны 1812 года, в ходе подавления польских восстаний 1794, 1831, 1863 годов, ставивших себе целью новый захват белорусских земель и восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года.

Так, в военных действиях против польских повстанческих армий Тадеуша Костюшко особенно отличились казачьи полки (общая численность 3,5 тыс.) под командованием походного атамана Федора Петровича Денисова, в последующем командира Лейб-казачьего полка (1798 г.) и графа (с 1799 г.). Во время этой кампании на территории нынешней Белоруссии казачьи части действовали в составе войск А.В. Суворова и участвовали в разгроме поляков 14 сентября у местечка Дивин (ныне Кобринский район Брестской обол.), на следующий день на окраине Кобрина казачий авангард разбил до 400 польской конницы, 17 сентября при монастыре Крупчицы близ Кобрина Суворов атаковал дивизию Ка́роля Сераковского (5 тыс. при 26 орудиях) и отбросил ее к Бресту. 19 сентября у Бреста дивизия Сераковского (8 тыс. при 14 орудиях) была полностью разгромлена.

В Отечественной войне 1812 года, в том числе на территории Белоруссии, казачьи войска проявили себя с самой лучшей стороны, действуя в составе как армии, так и партизанских отрядов. Всего в боевых действиях участвовало 107 казачьих полков и 2,5 казачьих артиллерийских роты. Отдельные казачьи полки действовали в составе авангардов и арьергардов 1-й Западной, 2-й Западной и 3-й (Обсервационной) Западной армий. Часть казачьих полков входила в состав «летучего казачьего корпуса» под командованием атамана Всевеликого войска Донского, генерала от кавалерии М.И.Платова. В боевых действиях участвовали казаки как в конном, так и пешем строю. Основной тактической силой казачьих войск были полки 4-х, 5-и, 6-и, иногда 8-и сотенного состава.

Атаман Всевеликого войска Донского Матвей Иванович Платов

Особенно казаки отличились в крупных боях и сражениях у Кареличей и Новогрудка (26 июня/8 июля), под Миром (27-28/9-10 июля), при Романове (2/14 июля), у Салтановки (11/23 июля), под Витебском (13-15/25–27 июля), при Полоцке (5-6/17-18 августа), в разгроме французской армии на Березине (14-17/26-29 ноября). Важно отметить, что в составе русской армии наряду с казаками Донского, Оренбургского, Уральского, Черноморского и Бугского войск сражались также полки сформированного в начале наполеоновского нашествия Малороссийского казачьего войска. Так, 1-й Черниговский конный казачий полк в сентябре 1812 года между Речицей и Гомелем, действуя совместно с регулярными частями, разгромил крупный отряд из состава польской дивизии Яна Генриха Домбровского. В оборонительных боях за Чечерск в сентябре отличился 3-й Черниговский конный казачий полк. Другие малороссийские казачьи полки также с честью показали себя на полях сражений.

Вот что писал о малороссийских казаках в Отечественной войне 1812 года знаменитый историк донского казачества Е.П.Савельев: «Сформированному в начале великой борьбы с наполеоновским нашествием на Россию в 1812 году Малороссийскому казачьему Войску выпала завидная честь, почти во все время войны внутри России и в заграничном походе участвовать наравне с испытанными в битвах Донскими полками, исключительно в передовом охранении русской армии и служить ее начальникам «глазами и ушами». Воинственный дух предков так крепко жил в душах Малороссийских казаков, несмотря на многочисленные невзгоды, что на них обратил внимание сам «вихорь-атаман» граф Платов и по его ходатайству некоторые Малороссийские полки были включены в состав летучего корпуса».

Во время польских мятежей 1831 и 1863 годов казачьи части в составе русской армии защищали территориальную целостность российского

государства и национальные интересы белорусского народа от угрозы нового польско-католического порабощения. В 1831 году в действующей русской армии находилось 5 тысяч донских казаков под командованием походного атамана генерал-майора М.Г.Власова, а также 6-й, 7-й и другие Малороссийские казачьи полки.

В разгроме польского мятежа 1863 года непосредственное участие принимали казачьи части русской армии, в частности Лейб-гвардии казачий, 10-й Донской, 33-й Донской, 41-й Донской и другие полки Войска Донского, Черниговский и два Полтавских конных полка малороссийских казаков.

Лейб-гвардии казачий полк в атаке

Начиная с советских времен, а также весь постсоветский период сложилось и до сих пор преобладает совершенно превратное толкование событий, связанных с означенными польскими мятежами, которые преподносились советской историографией и продолжают преподноситься как национально-освободительные восстания не только польского и литовского (это еще куда бы ни шло), но и белорусского (?!) народов. Но дела-то обстояли совсем иначе. Ведь во всех этих трех восстаниях мятежники преследовали далеко не освободительные цели. Так, в восстаниях 1831 и 1863 годов польские повстанцы преследовали целью не просто независимость находившегося в составе Российской империи Царства Польского (т.е. собственно польских земель), а восстановление из небытия Речи Посполитой в границах 1772 года.

Участвовавшие в восстании польские магнаты и шляхта намеревалась снова захватить западнорусские земли и навязать им свое владычество. И надо отдавать себе отчет, что если бы эти «освободительные» мятежи не были ликвидированы, то российское государство было бы поставлено перед лицом геополитической катастрофы, а для Белой и Малой Руси это означало бы катастрофу национальную, т.к. многовековая борьба белорусов и малорусов за человеческой и национальное достоинство, за право самобытного развития была бы перечеркнута.

Цели и задачи польских восстаний были абсолютно несовместимы с национальными устремлениями Белой Руси, и поэтому пришло время сказать правду о польских мятежах и отказаться от антирусских (а значит и антибелорусских) и явно устаревших советских и католическо-шляхетских шаблонов оценки тех событий. При этом следует подчеркнуть, что борьба с польскими мятежниками на территории Белоруссии носила буквально общенародный характер.

Существует большое количество свидетельств о том, что против мятежной польской шляхты активно действовали не только войска и полиция, но и крестьянские отряды самообороны. Антиповстанческое движение среди белорусского населения приобрело такой размах, что главный начальник Северо-Западного края (Белоруссия и Литва), виленский генерал-губернатор граф М.Н.Муравьев вынужден был несколько раз снижать величину награды за поимку мятежников, т.к. количество пойманных и сданных властям населением мятежников было очень велико.

В конце XIX – начале XX века на территории Белоруссии в различных городах дислоцировались казачьи части русской армии. В частности в Слуцке стоял 33 Донской казачий полк.

Казаки в атаке, 1-я мировая война

Во время гражданской войны казачество в большинстве своем сражалось в рядах Белого движения, хотя в Красной Армии также имелись казачьи части и соединения. В то же время в соответствии с директивой ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, принятой по предложению председателя Оргбюро ЦК РКП(б) Якова Свердлова, казачье население подверглось массовым репрессиям. В отношении верхов казачества и казаков, «принимавших какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», проводилась политика «поголовного истребления». В

1920 году казачество были лишено статуса военного сословия и весь советский период фактически находилось вне закона.

Только после распада СССР Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 года № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» жертвы массового большевистского террора были реабилитированы.

Вместе с тем в 1936 году для казаков были сняты ограничения на службу в Красной Армии и часть кавалерийских дивизий стали казачьими, одна из которых, 4-я Донская казачья кавалерийская дивизия, которой в 1933–37 годах командовал комбриг Г.К.Жуков, дислоцировалась в Слуцке.

Во время Великой Отечественной войны казачьи кавалерийские дивизии действовали совместно с танковыми частями в составе конно-механизированных групп. Из кубанских и терских казаков также были сформированы пластунские (пехотные) дивизии. В боях особенно отличились 5-й гвардейский Донской казачий и 4-й гвардейский Кубанский казачий корпуса, Краснодарская пластунская стрелковая дивизия. В освобождении Белоруссии принимали участие Кубанско-Барановичская казачья кавалерийская дивизия, Кубанско-Слуцкая казачья кавалерийская дивизия и другие казачьи части.

Казаки, оказавшиеся на оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии, принимали активное участие в партизанском и подпольном движении. К примеру, в сентябре 1941 года в оккупированном гитлеровцами Слуцке проживавшие в городе после военной службы казачьи командиры Богун и Фомин организовали первую на Слутчине антифашисткую подпольную организацию, которая вела активную борьбу с захватчиками вплоть до освобождения города 30 июня 1944 года частями 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса.

Казаки на Параде Победы 1945 г.

На рубеже 1990-х годов в Белоруссии так же, как и в Российской Федерации, на Украине и некоторых других постсоветских государствах

возникло казачье движение, начало которому было положено в Слуцке. В 1992 году в этом городе была создана казачья община, атаманом которой стал родовой казак, кадровый офицер, подполковник Валерий Александрович Попов. В 1995 году в Белоруссии было зарегистрировано республиканское общественное объединение «Белорусское казачество» (верховный атаман Н.Д.Улахович), в которое входят граждане, как являющиеся потомственными казаками, так и считающие себя казаками. В 1997 году были зарегистрировано Общественное объединение «Всебелорусское объединенное казачество» (верховный атаман Н.И.Еркович), в 2002 году Международное миротворческое объединение «Войска казачьей гвардии» (командующий С.В.Новиков). С октября 2010 года в рамках Белорусского общественного объединения «Русь» действует Этнокультурное товарищество «Казаки Святой Руси» (атаман В.А.Попов). С июня 2008 плодотворно работает Казачий конноспортивный клуб «Ермак» (атаман Р.О.Алиев, Бобруйск), действует также общественное объединение «Неманские казаки» (Гродно, атаман В.А.Адамов). Кроме того плодотворную музыкально-просветительскую деятельность ведет общественное объединение «Казачий ансамбль славянских народов» (войсковой атаман В.Н.Барановский). В ряде городов республики имеются и другие самостоятельные казачьи общины и сообщества.

Память о казаках на Белой Руси живет в народных песнях, легендах и географических названиях. В то же время в Белоруссии проживает немалое количество выходцев из казачьих областей России, потомков казаков и людей, интересующихся казачьей культурой, что является необходимой основой для формирования казачьего движения.

Вся история казачества, связанная с Белой Русью, свидетельствует о том, что казаки, будучи подлинными носителями духа вольной Руси, совершенно непримиримо относились к любым формам угнетения (отсюда извечное казацкое неприятие панов и иезуитов) и служили опорой белорусскому народу в его, по сути, беспрерывной борьбе за свою русскость и самобытность.

История распорядилась таким образом, что и в XXI веке злободневность этих вопросов не снята с повестки дня. Поэтому главной задачей нарождающегося на Белой Руси казачьего движения видится пробуждение и укрепление общерусского сознания и исторической памяти как у самих представителей белорусских казачьих организаций, сообществ и общин, так и в целом у восточнославянского населения республики. И это нужно делать в первую очередь через развитие всех сторон яркой и самобытной казачьей культуры.

Несомненно, что у казачьего движения в Белоруссии есть будущее, но только в том случае если оно будет твердо стоять на позиции общерусского единства и тем самым выражать коренные интересы белорусского народа.